

ТРАДИЦИЯ «ОСОБОГО ПУТИ» РОССИИ

Румянцева Татьяна Герардовна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

***Аннотация.** Москва открывает для себя доктрину «особого пути», провозглашая себя, начиная примерно с XVI в., т.н. «третьим Римом». В середине XIX столетия представление об уникальной всемирно-исторической роли России выходят за рамки исключительно церковных дискуссий, и идея о «Москве как третьем Риме» приобретает важное место в структуре имперской идеологии. Даже после Октября 1917 страна не откажется от идеи мессианизма, которая органически «впишется» в структуру советской идеологии, претерпевая, разумеется, существенную трансформацию. Несмотря на масштабные изменения сначала советского, а затем и российского общества, идея «особости» российского пути, включая и специфическое восприятие собственного прошлого, будет по-прежнему оставаться влиятельным политическим брендом, сохраняя привлекательность со стороны ряда россиян и даже приобретая в определенной мере статус государственной идеологии.*

***Ключевые слова:** «Москва – третий Рим»; православный мессианизм; Октябрь 1917; диалектика разрыва и преемственности с прошлым; «Всемирная Республика Советов»; идея «особости» российского пути.*

TRADITION OF THE “SPECIAL WAY” OF RUSSIA

Rumyantseva Tatyana Gerardovna

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor, Department of Philosophy of Culture
Belarusian State University

Abstract. Moscow discovers the doctrine of the «special way», proclaiming itself to be the «the third Rome» in the 16th century. Since the mid-nineteenth century, the idea of the unique world-historical role of Russia went beyond exclusively church discussions, and the idea of «Moscow as the third Rome» acquires an important place in the structure of imperial ideology. Even after October 1917 the country will not abandon the idea of messianism, which organically «fits» into the structure of already Soviet ideology, undergoing, of course, a significant transformation. Despite the large-scale changes, first in Soviet and then in Russian society, the idea of the «peculiarity» of the Russian way, including the specific perception of

its own past, will continue to remain an influential political brand, retaining the attractiveness of a number of Russians and even acquiring to some extent the status of the state ideology.

Keywords: «Moscow as the third Rome»; Orthodox messianism; October 1917; dialectics of the gap and continuity with the Past; «World Republic of Soviets»; the idea of the «peculiarity» of the Russian way.

Примерно в первой половине XVI в. Москва провозглашает себя «Третьим Римом», «открывая» тем самым для себя идею «особого пути» или русского православного мессианизма, который ведет свой отсчет от греко-византийского мессианизма. Начиная с середины XIX столетия, в царствование Александра II, а затем и Александра III, представление об особой ответственности и уникальной всемирно-исторической роли России выходят за рамки исключительно церковных дискуссий, и идея о «Москве как Третьем Риме» приобретает важное место в структуре имперской идеологии. Она становится, по сути, метафорой русской идеи, олицетворяющей особую миссию России по объединению всех православных народов мира. Однако, поливалентность концепта «особого пути», лежащего в центре доктрины русского мессианизма, приведет далее к тому, что после 1917 г. действия большевиков очень логично впишутся в этот мессианский проект.

С одной стороны, мы не можем не зафиксировать, что после Октября в стране осуществился невиданный, даже в истории революций, нигилистический отказ от всего прежнего, *разрыв* со Старым временем – идет ли речь об экономике, идеологии, культуре или философии. С другой стороны, – идея мессианизма как метафора «особого пути» продолжит свое существование уже в рамках советской идеологии, меняясь, разумеется, в новое историческое время, хотя во многом лишь терминологически. Сам же механизм вовлечения масс в идеологию этого *особого пути* будет сохранен. Поэтому временной интервал с 1917 до середины 1930-х гг. вполне может быть описан с помощью *диалектического единства, с одной стороны, радикального разрыва с прошлым, а, с другой, – специфически проявившейся преемственности с ним.*

Реанимация мессианских настроений осуществляется здесь в формате доктрины «Всемирной Республики Советов» и/или «Мировой революции», когда прежний православный и нынешний большевистский мессианизм обнаруживают значительную общность. Другое дело, ряд системообразующих элементов старого мессианизма претерпевает

существенную трансформацию, которую, тем не менее, трудно назвать секуляризацией. Переход от общества, регулируемого преимущественно религиозной традицией, к светской модели общественного устройства не сопровождался здесь утверждением рациональных по преимуществу правил и норм. То особое место мессианского «центра Земли», которое ранее отводилось православной «Святой Руси», теперь было уготовано СССР, по-прежнему претендующему на роль «флагмана» исторического прогресса, призванного привести мир к «светлому (но уже к коммунистическому) будущему». Вера в построение коммунистического общества станет своего рода естественным продолжением многовековой национальной *традиции* – мечты о Царстве Божьем на земле, верой великого, теперь уже советского, народа в его также великую мировую миссию с мировой перспективой и сверхзадачей.

Несмотря на масштабные изменения сначала советского, а затем и российского общества в XX и XXI вв. идея «особости», «исключительности» российского пути, причем во многом пропагандирующая особого рода восприятие собственного прошлого как исключительно «самобытного», стала и сегодня влиятельным политическим брендом, вновь провозглашающим историческую миссию этого государства. Хотя, казалось бы, дискурс, основанный на категории «особой миссии», должен выглядеть сегодня исключительно архаично; однако, он так и не стал атрибутом далекого прошлого, сохраняя привлекательность со стороны многих россиян и даже приобретая статус традиционной государственной идеологии.